Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Аноним
Что такое прямое действие?
2019-04-02, перевод 2019-05-17

https://conflictmn.blackblogs.org/whats-the-use-of-direct-action/ на английском,
https://a2day.net/chto-takoe-pryamoe-dejstvie/ перевод, скопировано
2019-05-18
Anonymous submission to Conflict Minnesota, перевод
перевод выполнен коллективом a2day («Анархия сегодня»)

ru.theanarchistlibrary.org

Что такое прямое действие?

Аноним

2019-04-02, перевод 2019-05-17

> Революционным называется то, что действительно приводит к революции”
>
> – Невидимый комитет, К нашим друзьям

Фраза “прямое действие” очень популярна у радикальных левых, анархистов и других неавторитарных радикалов. Подводя итог для тех, кто может быть не знаком с этим термином, скажем, что прямое действие это действие, которое непосредственно достигает своих целей. Его часто используют для иллюстрации контраста с организацией выборов и другими тактиками, чаще всего связанными с либеральными тенденциями. Согласно странице википедии, происхождение самой фразы восходит к анархическому движению начала 20-го века в Соединенных Штатах, а затем, в частности, его использовали группы за гражданские права и активисты-экологи. С самого начала «прямое действие» использовалось для описания постоянно расширяющегося множества видов деятельности.

Теперь, в 2019 году, становится ясно, что использование фразы «прямое действие» значительно ослаблено, что я

рассмотрю ниже. Однако я не буду ссылаться на какие-либо конкретные действия или их коммюнике, потому что я не собираюсь их обесценивать. В том аду, где мы все находимся каждый, кто принимает меры против него, является источником вдохновения. Цель этого эссе состоит в том, чтобы внести вклад в более точное обсуждение стратегии вокруг так называемых прямых действий.

Первый случай этого размывания, который я рассмотрю, – это то, как оно часто используется для описания действий, которые являются просто незаконными или тайными. Это могут быть граффити с лозунгами на улицах города, особенно дерзкие надписи на баннерах или определенные блокады. Часто это просто тактика, которая оказывается незаконной, но используется для повышения осведомленности о чем-то, а не для непосредственного воздействия. Иногда используемая здесь логика заключается в том, что целью действия было повышение осведомленности, и, следовательно, действие достигло этой цели напрямую, хотя кажется очевидным, что это явное отклонение от первоначального значения фразы, поскольку (не)законность действия не определяет, насколько оно эффективно.Наиболее вопиющее использование «прямого действия» касается того, что, по сути, является его противоположностью – буквального голосования. Это происходит не так часто, но особенно референдумы или предложения о голосованиях иногда подсовывают в качестве прямого действия из-за того, что они не полагаются непосредственно на политиков. Это лишает фразу ее содержания и, по сути, делает ее бессмысленной – нет ничего прямого в том, чтобы голосовать за изменения, независимо от того, подали ли мы голоса сами или нет.

Чаще всего «прямое действие» используется для описания действий значительно более воинственного масштаба. Поджоги, взрывы, практически все формы целенаправлен-

кто-то становится свидетелем последствий действия до того, как оно было скрыто от глаз, или слышит о действии потом, это действие может резонировать с ним, оно может вдохновить и его на действия. Хотя правильно говорят, что такие вопросы невозможно предсказать, мы можем развивать интуицию для ощущения взрывной социальной напряженности. Гораздо более вероятно, что действие, которое преодолеет эту напряженность, будет резонировать далеко за пределы первоначального масштаба действия.

В этом смысле хорошо, когда действие легко копировать, когда используемые материалы легко доступны, это позволяет другим не только делать это самим, но и видеть себя способным сделать это. Это больше, чем просто отказ от специальных инструментов, это означает отказ от установления субъективной границы между актером и зрителем. Если что-то рассматривается как принадлежащее определенной субкультуре или идентичности, другим будет намного труднее относиться к этому значимым образом. Процесс резонанса никогда не бывает линейным и не обязательно предполагает прямое повторение действия. Когда акт резонирует, он может породить неожиданные события и даже бунт.

С практикой, создавая эти сигналы беспорядка и взращивая эти чувства, мы наращиваем нашу силу. Мы становимся более уверенными и смелыми в действиях, создавая более благоприятную среду для наших действий. Это постепенное создание нашего коллективного потенциала. Для решения этой задачи система «прямого действия» оказывается неадекватным инструментом. Изучение того, насколько «прямым» является действие, никогда не сможет измерить потенциал, содержащийся в нем. Как и все неадекватные инструменты, давайте бросим их в поисках лучших.

ного саботажа. Идея состоит в том, что атака на вражескую цель нарушает способность этой цели каким-либо образом действовать – эта логика кажется разумной. Тем не менее, при дальнейшем рассмотрении все еще есть некоторые расхождения. Во многих случаях эти акты саботажа, какими бы интенсивными они ни были, основаны на одном или нескольких требованиях. Независимо от того, являются ли требования главной целью, часто эти атаки либо явно, либо неявно требуют отмены репрессивной меры, или чтобы компания отказалась от какого-то проекта и т. д. Труднее расшифровать, когда требование неявное – атака, которая происходит в момент социальной напряженности, может не предъявлять требования, но происходить в контексте, где требования присутствуют. Что касается требования, сама атака непосредственно не достигает цели, хотя она оказывает давление на цель, требование было выполнено, чего невозможно достичь с помощью петиций.

Наконец, действия по оказанию взаимной помощи считаются «прямыми действиями», например, обмен продовольствием или обмен одеждой. В некотором смысле, это способы прямого действия против голода, бедности и подобных условий. Но, возможно, более точным будет то, что эти действия временно облегчают симптомы этих состояний для участников, но не обязательно влияют на степень их распространенности.

Здесь я сделаю небольшой сдвиг в направлении. Выше я уже говорил о том, как «прямое действие» превращается в почти бессмысленный термин. Но вместо того, чтобы пытаться исправить это, я хочу сказать, что «прямое действие» является принципиально нестратегическим термином для анализа действия.

Это не означает, что «прямое действие является нестратегическим», а только то, что вопрос о том, насколько прямым является действие, принципиально отделен от того,

насколько стратегическим является действие. Давайте рассмотрим гипотетический пример: в одночасье некоторые диверсанты режут шины некоторых полицейских машин в своем городе. Это напрямую влияет на способность полиции патрулировать окрестности и выполнять свои обязанности. Хотя воздействие нескольких шин может быть минимальным, это все же оказывает прямое влияние на функциональность полиции. Но то, что действительно делает такое действие ценным, не описывается адекватно с помощью термина «прямое действие». Ограничение способности полиции действовать открывает пространство для дальнейшей неконтролируемой деятельности – хотя, конечно, это открытие будет таким же минимальным, как и первоначальная атака. Независимо от этого, речь идет не о том, использует ли человек фразу «прямое действие» или нет, а о стратегических соображениях, связанных с действием.

Для целей данного эссе давайте отбросим запутанную терминологию и по-новому взглянем на то, что делает действие стратегически ценным. Я выделил четыре полезных компонента для рассмотрения, хотя всегда есть и другие. Все четыре не обязательно должны применяться одновременно. Во-первых, самое простое – это действие, чтобы дать силы друзьям и товарищам в другом месте, символическое или материальное. Во-вторых, небольшое действие должно служить своего рода практикой для более масштабных действий. В-третьих, для действия по созданию того, что принято называть «сигналами беспорядка». В-четвертых, вопрос о том, как действие может резонировать с другими потенциальными товарищами и партизанами.

Когда кто-то предпринимает действия, чтобы выразить солидарность с другими, главным является просто передать им сообщение. Естественно, их бы больше порадовало, когда другие предпринимают смелые или более рискованные действия, чтобы выразить свою солидарность, но этот аспект не должен быть мерой того, что важно или не важно. Скорее, ценность состоит в том, чтобы создать чувство связи с другими людьми в разных районах, регионах и континентах. Например, выйти из тюрьмы и узнать, что кто-то вывесил баннер с призывом к твоему освобождению. Такие жесты могут оказать реальное влияние, особенно в условиях изоляции.

Когда кто-то предпринимает действия с командой или аффинити группой, они строят доверие друг с другом. Они также развивают навыки совместной работы в стрессовых ситуациях. Будь то научиться общаться вместе или как управлятьподручными средствами, это навыки, которые мы всегда должны оттачивать. Даже в одиночку можно получить много полезного. Эти навыки и взаимоотношения, несомненно, позволят нам лучше действовать в моменты больших социальных взрывов.

В одноименной статье А. Г. Шварц ввел термин «сигналы беспорядка» для обозначения некой обратной теории разбитых окон. Против государства, которое всегда стремится к полному социальному контролю, все, что создает видимый признак беззакония – независимо от того, насколько малым оно может быть – нарушает этот государственный нарратив. По словам Шварца, «если мы можем безнаказанно нарушать их маленькие законы, мы показываем, что государство слабо».

Шварц продолжает: «Сигналы беспорядков заразны. Они привлекают людей, которые также хотят иметь возможность трогать и изменять свой мир, а не просто проходить через него. Их легко воспроизвести, и время от времени, как правило, вне нашего контроля или предсказания, они распространяются далеко за пределы наших кругов ». Шварц описывает здесь процесс резонанса. Когда